

ЕВГЕНИЙ ЛОВЧЕВ

футбола

СПАРТАК

звезда

ДОПОЛНЕННОЕ
ИЗДАНИЕ
НОВАЯ ГЛАВА

И ДРУГИЕ

Звезда футбола

Евгений Ловчев
«Спартак» и другие

«АСТ»

2016

УДК 796.332:929 Ловчев Е.
ББК 75.578

Ловчев Е. С.

«Спартак» и другие / Е. С. Ловчев — «АСТ»,
2016 — (Звезда футбола)

ISBN 978-5-17-100878-9

Евгений Ловчев – суперзвезда отечественного футбола 60–70-х – впервые и очень откровенно рассказывает о своем жестком конфликте с Константином Бесковым, тренером «Спартака», который поднял команду, пережившую унижение вылета в первую лигу. Но это лишь малая часть истории Ловчева. В этой книге рассказ о тренерах «Спартака», в том числе и о Валерии Карпине и Дмитрие Аленичеве, и конечно, о легендарном Чапае – Николае Петровиче Старостине.

УДК 796.332:929 Ловчев Е.
ББК 75.578

ISBN 978-5-17-100878-9

© Ловчев Е. С., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Люди, с которыми меня свел мяч	6
Глава первая. Мои первые тренеры	7
Деревенский футболист	8
Дорога в «Спартак»	10
Глава вторая. Никита Симонян	15
«Ну, скоростина!», или Прописка от Старостина	16
Чемпионство и киевские торты	18
Вася Калинов и фото для «Пионерской правды»	21
Операция «Мохер», уход Симоняна	25
Глава третья. Николай Старостин	29
Чапай. Все время на работе	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Евгений Ловчев «Спартак» и другие

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Люди, с которыми меня свел мяч

Это не история моей жизни и не моя история в футболе. Надеюсь, мне еще будет что сказать и досказать. Это не история одного клуба и даже не история тренеров «Спартака». Великого клуба, которому повезло с основателем и который умел выбирать тренеров.

Это история о тех людях, с которыми меня свел футбол. О том, как простой мальчишка из не самой благополучной семьи, из деревни, сумел попасть в самую популярную команду страны и стать лучшим игроком СССР.

Это та модель, которую мне бы хотелось увидеть в современном футболе. Часто слышу от чиновников: «Как же так, у нас 150 миллионов населения, а не можем собрать боеспособную сборную, надо легионеров привлекать!» Ну да, так выстроили систему, что у многих пацанов шанс поиграть за сборную есть только на игрушке в компьютере – что с успехом, кстати, делает мой младший сын Колька. Потому что в реальности до сборной слишком далеко и шансов, даже у сверхталантливых, мало.

Мне очень повезло. Не только с удачей. Со временем, когда все как-то было проще и почище.

Идею книги мне подал Саша Шаганов, известный наш поэт-песенник, автор текстов для группы «Любэ» и многих других исполнителей.

Однажды он подарил мне свою книгу «Я Шаганов по Москве» и спросил:

– Серафимыч, ты столько всяких историй рассказываешь! Когда уже книгу напишешь? Давай уже, соберись! Жду!

Дарю идею, – продолжил Шаганов. – Начни с главы «Мой Старостин».

Книга перед вами. Шаганов не просил про очки, голы и секунды, и я прислушался к себе. Дело не в том, что футбол – не только результат. Как раз во многом так, строчки, которые остаются после того, как ты ушел с поля. Но это и отношение людей к тебе, которое формируешь ты сам. Отношением к болельщику, к самой игре. Мне как-то Юрий Дмитриевич Машин, в 70-е практически министр спорта СССР, сказал: «Ты не сможешь работать в футболе, потому что слишком его любишь».

Когда спрашивают, как вас представить, я всегда говорю: «Лучший футболист СССР 1972 года». Эта строчка – главное, что дал мне футбол в плане заслуг.

В 72-м «Спартак» был плох, мы заняли 11-е место. Одиннадцатое! Мне было 23 года – сейчас в этом возрасте ребят по-прежнему считают перспективными.

Ни в коем случае не надуваю щеки. Наоборот, помню то, о чем просил Шаганов, – рассказать футбольные истории, а голы, очки и секунды вы найдете в Интернете.

Когда книга готовилась в печать, Шаганов прислал свой отзыв. «Самое главное в Евгении Серафимовиче Ловчеве – это его жизнелюбие, восторг жизни, – пишет Саша. – Через спорт и друзей, детей и страну он упоён жизнью и она платит ему сторицей... Я невольно замечал в общении, что он моложе всех нас молодых заединщиков его по футболу. При знакомстве я сказал: «Евгений Серафимович, вы – любимый футболист моего отца, хотя он и болельщик «Торпедо». Ловчев улыбнулся своей неизменной юношеской улыбкой...»

Эта книга о жизни, о великих тренерах, с которыми меня свела судьба. И о человеке, который и есть «Спартак». О Николае Петровиче Старостине. Для футболистов моего поколения он был Чапаем, для парней постарше стал Дедом, а сейчас он Патриарх клуба.

Это история про тех тренеров, с которыми меня свела в «Спартаке» судьба. Это про Чапая и его команду.

Глава первая. Мои первые тренеры

Глава, в который рассказывается о том, какими должны быть детские тренеры и как из села доиграться до сборной

Деревенский футболист

Сейчас довольно трудно найти футболиста, который родился и вырос в деревне, но в мое время таковые имелись. И я из их числа. Моя Родина – это деревня Крюково. 41-й километр Ленинградского шоссе. Может быть, сейчас мало кто поймет, а может, наоборот, это заставит поглубже копнуть историю. Старшее поколение наверняка вспомнит песню «Самцветов» с такими строчками: «У деревни Крюково погибает взвод». Когда едешь по Ленинградке, в районе Химок стоят «ежи». В наступлении на Москву немцев остановили именно здесь.

Именно из Крюково везли того самого Неизвестного солдата, которого похоронили у Кремлевской стены. Народу вдоль дороги – тьма! Стоял декабрь, холодно, но люди не уходили, многие плакали. После войны прошло около 15 лет, рана была свежая – не было в стране семьи, кого бы не затронула Великая Отечественная.

Для меня, послевоенного пацана, все, что связано с той Войной, свято. В начале 80-х, 9 мая, в сквере у Большого театра, всегда собирались фронтовики. И я однажды, взяв детей, Катю и Женю, поехал туда. Вы знаете, это совершенно другие люди. Те, кто прошел в полуметре от смерти. И чтобы понять, почему русские выиграли войну, надо хоть иногда было там побывать.

* * *

И еще воспоминание. Один дядька из Алабушево иногда на пиджак вешал все свои медали и ордена, шел в магазин. Когда он до магазина доходил, то очередь в винно-водочный, которая всегда была длинной, расступалась. Все правильно – кто воевал, имеет право.

Не могу сейчас слышать, как кто-то пытается переписать историю. Во всех своих командах я старался напоминать людям о том, что сделали русские в начале 40-х. 8 мая 2001 года за 2 тура до окончания всесоюзного первенства мини-футбольный «Спартак», которым я руководил, стал чемпионом. И в камеру я тогда сказал следующие слова: «Поздравляю всех ветеранов войны, которые дали нам возможность жить и заниматься спортом в свободной стране. Живите дольше. Пока вы живы, в нашей стране чище воздух, лучше атмосфера и аура».

* * *

Мама снимала в Крюково жилье у семьи Емельяновых. Несколько лет назад, в день юбилея, позвонила женщина, которая хорошо знала маму, и стала рассказывать истории из моей детской жизни. И память заработала, подсказывая мне что-то из уже давно забытого: вот я, пацаненок, языком попробовал на колодце такую крутилку, которой тянут ведра. Попробовал – и прилип. Брат Славка, что на два года старше, подошел и объявил, что сейчас будем драть язык – и начал крутить ту крутилку! Хорошо еще, что это увидели взрослые, принесли горячей воды и отлепили язык.

Отца своего я ни разу не видел. Серафим Васильевич, по рассказам матери, работал в послевоенные годы на каком-то складе продуктов. И что-то, насколько понял из воспоминаний родных, он украл и был за это осужден. Мама родила меня уже после того, как отца посадили.

Кое-что я узнал лишь после смерти матери – Анастасии Григорьевны Рыжковой. Почему не Ловчевой? Я тоже стал выяснять, искать по архивам. И узнал, что уже после случившегося с отцом мать вернула свою девичью фамилию.

Отца мне заменил Михайлов Иван Степанович. Он стал жить у нас примерно с того времени, когда я пошел в первый класс. Мы с братом Славкой всегда звали его «дядя Ваня». Украинец по национальности, прошедший всю войну, хороший мужик. Но мы со Славкой никак не могли привыкнуть, что это отец, а не отчим. Поназываем неделю отцом, папкой, а потом опять соскакиваем на «Дядьвань».

Дядя Ваня – очень добрый, душевный человек. Работал на стекольном заводе в Андреевке, на месте которой сейчас Зеленоград, где похоронены мои мама, брат Слава и сам дядя Ваня.

Так вот, домой он добирался уже поздно ночью и, точно помню, шел через лес километра два. И чтобы не ходить порожняком, нес домой сухостой на дрова. А потом, сидя у печки, топил ее и постоянно нам что-то рассказывал. Или, как он сам говорил, балакал – он же хохол. Про войну, про работу, в целом про жизнь.

* * *

Со временем мама получила участок на станции Алабушево – именно там и решили строиться. Никогда не забуду эпизод из матча ГДР – СССР в 69-м. Первый мой сезон в высшей лиге, всего около 3 месяцев в «Спартаке», и сразу вызов в сборную. Играли с восточными немцами в Лейпциге. В ГДР стояли советские войска, наши военные и пришли на стадион. Очень волновался, все-таки дебют. И уже во время исполнения гимнов, в паузе, когда музыка чуть стихла, кто-то из нашего солдатского сектора как заорет: «Алабушево – дави!» По-моему, из всей нашей делегации только я и понял, кому адресован этот крик. Не знаю, кто кричал, но благодарен по сию пору, это мне очень помогло.

Это было что-то невероятное: в первом матче за сборную, на чужой земле, дебютанту крикнули такое, прямо с Родины, из родного села!

* * *

Итак, мама строилась. Мы не были богатой семьей. Более того – жили бедно. Мать работала в воинской части и порой приносила нам что-то из того, что не доедали солдаты. Помню очень вкусные рыбные котлеты, макароны по-флотски.

Наш дом был последним в поселке, что, возможно, и предопределило мою футбольную судьбу. Дальше, за домом, начиналось поле. Бегай, сколько у тебя сил хватит! Как сейчас помню, у дома проходила высоковольтная линия. Тогда это были деревянные мачты, стоявшие буквой Н, а планка была перекладиной. Понятно, что она была довольно высокой, а «стойки» стояли далеко друг от друга, но выбирать не приходилось. В общем, это было первое футбольное поле в моей жизни и первые футбольные ворота.

Дорога в «Спартак»

Железная дорога делила Алабушево на поселок (новая часть) и деревню (часть старая). И мы часто играли поселок на деревню возле школы, ведь только там было нормальное поле с воротами. Никаких трибун, никакой сетки на воротах, ограждений.

Рядом с полем жил глухонемой дед, и мяч частенько залетал на его пашню – там картошка росла, капуста, бураки. Как-то глухонемому это все надоело, и, когда мы снова полезли за мячиком в его ботву, он выскочил с топором и решил разрубить наш мячик. Но футбол победил: от удара топор от ricochetил ему в лоб, а мяч остался цел.

* * *

Детство мое было сложным. Мать работала, сестра жила у бабушки в Рязанской области, а мы с братом шастали по Крюково. Ну, как шастали – по станции ходили, по рельсам. Как аттракцион! И не раз с братом попадали в детскую комнату милиции. Это было чем-то вроде продленки, и мать уже, если не находила нас дома, знала, куда идти.

Я рос спортивным пацаном, занимался всем в меру сил: спортивной гимнастикой (и даже был чемпионом района), играл в баскетбол и волейбол, ходил на лыжах. В четвертом классе приехал тренер по лыжам, из Планерной, где находилась база общества «Спартак». Дело было в самом начале учебного года. Ну, какие там в сентябре лыжи? Да мы, пока снега не было, только в футбол и играли!

Советская система подготовки работала хорошо, и тренер, видя, что я выделяюсь в этих играх, порекомендовал пойти в футбольную секцию «Спартака» на Ширяево поле. Ты, говорит, быстро бегаешь, хорошо бьешь по мячу – и раз есть способности, иди туда!

* * *

Я и пошел. Мне было всего 13 лет. Сейчас в этом возрасте дети уже несколько лет тренируются в специализированных школах, а я к тому времени играл только у себя в деревне. И оттуда же, из Алабушево, отправился в Москву.

Сам доехал на электричке до Ленинградского вокзала, потом до Сокольников, дальше сел на 11-й трамвай и вот уже Ростокино. Пешком дошел до Ширяева поля, где собрались на тренировку пацаны моего возраста. Сказал тренеру, Евгению Лапину, что хотел бы попробовать, и расплакался, когда он отказал. Сослался тренер – и я его понимаю – на то, что я живу далеко и не смогу постоянно приезжать. И действительно далеко, с несколькими пересадками каждый день на тренировки добираться!

Впрочем, Лапин поставил, видя мои слезы, на место правого защитника в обычной двусторонке. Память сохранила те детские воспоминания: и то, как мне мешал правый нападающий, приходящий в мою зону, и то, как поменялся с ним местами, и нагоняй тренера, который высказал мне за эту инициативу. После двусторонки ребята уехали на сборы в Тарасовку.

* * *

Было лето, наш возраст еще не играл на первенство Москвы, но участвовал в других соревнованиях – приз малого футбола имени Качалова. На стадионе Юных пионеров

в Москве 6–8 команд играли по выходным. Я стал ездить на этот турнир, смотреть за «своими».

Как-то рядом оказались ребята из футбольного отделения общества «Буревестник», или как называли, «Бури». Они и сказали, что, если хочу, могу к ним приезжать играть. Поехал, стал тренироваться у знаменитого защитника ЦСКА Ивана Александровича Кочеткова. Именно Кочетков автор знаменитой фразы: «Кто не пьет, тот не играет». Впрочем, если в оригинале, то говорил он так: «Кто не пьет – тот не играить». Фразу эту Кочетков сказал на разборе в федерации, где ему ставили на вид за загул. Шутки шутками, но на место левого защитника, на котором я и играл потом всю жизнь, выпустил впервые именно Кочетков.

* * *

Футбольный «Буревестник» через несколько лет расформировали неожиданно. Как в кино – приехал весной на место, где еще в прошлом году было поле, а увидел конный манеж. Кстати, на этом месте к Олимпиаде-80 построили спорткомплекс «Олимпийский».

Что было делать? Я поехал записываться в «Локомотив», в Черкизово, и там встретил Андрея Кирьякова – парня, который позже работал с Юрием Семиным в «Локо» и в сборной. Андрей играл за школу «Юность» Дзержинского района Москвы, меня туда и позвал. Мы с ним дружим и по сей день.

* * *

Тренером команды 49-го года в «Юности» был Леонид Николаевич Маракуев. Чем наши детские тренеры запомнились? Человеческими качествами. Маракуев любил детей, был нам, по сути, вторым отцом. Он знал, чем живет каждый мальчишка, знал, что из Алабушево мне ехать 2 часа, и делился со мной съестным – кофе, бутербродами, которые ему приготовила жена. Я довольно часто, уже играя в сборной, приезжал к нему просто поговорить – что-то вроде отдушины для меня. Ну а Леонид Николаевич получил за меня, как воспитанника, который дорос до сборной, звание заслуженного тренера РСФСР.

Ребята относились к этому тренеру, как к отцу родному, и всегда его помнили. Как-то я был «свадебным генералом» на турнире в Сокольниках, подошел Саша Харыбин, тоже воспитанник Маракуева, и напомнил, что тренировались мы у одного наставника. А сейчас Саша большой человек, директор великолепной гостиницы «Корстон», что на Ленинских горах. Саша в последние годы очень много помогал Федору Черенкову.

* * *

В «Юности» вскоре я стал понимать, что на общем фоне выделяюсь, хотелось расти, поэтому и попросил тренера о рекомендации в сборную Москвы. Ребят из сборной знал и, что тут скрывать, понимал, что как минимум не хуже.

Но из-за подмосковной прописки в столичную сборную не попадал, а вот в сборную России, которая играла в Кубке «Юности» (в турнире участвовали команды 15 республик СССР, плюс Москва и Ленинград), меня вызвали.

Шел 66-й год, и это были мои первые серьезные соревнования на юношеском уровне, вообще первый выезд за пределы Москвы. Кто ж знал, что спустя всего четыре года я окажусь в Мексике со сборной страны на чемпионате мира! Кстати, спустя 46 лет после того чемпионата мира я вновь окажусь в Мехико на конгрессе ФИФА и познакомлюсь с Роналди-

ньо, Моуриньо и новым главой ФИФА Джанни Инфантино. А из рук Рональдиньо получил Кубок Конфедераций как представитель оргкомитета 2018.

* * *

Кубок «Юности» играли с разъездами, в группе сборной России попались грузины и таджики.

Соревнования начались с ЧП. В первом матче мы принимали в Калуге сборную Грузии. За грузин играли известные впоследствии футболисты – Пируз Канталадзе и Леван Нодия. Грузины выиграли, 1:0, а вечером пошли на танцы в парк. Ночью нас разбудила милиция – оказывается, кто-то из грузинской сборной на дискотеке пырнул местного жителя ножом. Грузин сняли с соревнований, у нас остался один соперник, сборная Таджикистана.

Играли в Душанбе, и уже после турнира (мы победили и вышли в следующий раунд) я решил пойти на рынок и что-то купить маме в подарок. Мать в ту поездку справила мне, как тогда говорили, «в люди» дорогие лакированные ботинки, стоили они очень дорого, и на базар я пошел именно в них. Обувь в итоге оттоптали бродившие по рынку ишак и его погонщик. Хорошо хоть презент матери – дыню из Чарджоу – я купил. В Душанбе мы сыграли хорошо, попали в финальные игры Кубка «Юности» – предстояла поездка в Кисловодск, а в соперниках были сборная Москвы, Украины и Узбекистана. За узбеков играл Тулиган Исаков. Тулиган не попал на тот самый, разбившийся, рейс «Пахтакора» и не полетел на игру в Минск с «Динамо», потому что был дисквалифицирован.

В том турнире меня включили в символическую сборную, хотя в турнире из шести команд сборная РСФСР заняла пятое место. В Кисловодске я познакомился с девушкой, помню, даже проводил ее до дома – потом уже, в «Спартаке» в первый год, в отпуск приехал туда же, старался ее найти, но ничего не получилось.

А вот дальнейший шаг – вызов в сборную страны – не получился, я был невыездным. И очень обидно, потому что юношеская команда СССР под руководством Евгения Ивановича Лядина дважды подряд стала чемпионом Европы. А я пролетел мимо...

* * *

После окончания восьмилетки пошел в ПТУ (номер 49 в Химках – может, оно и сейчас еще есть). А по распределению со специальностью «слесарь-сборщик 4-го разряда» попал на завод в Химках, который работал на космическую промышленность. 301-й завод им. Лавочкина.

Как я там работал? Так, подай-принеси, все больше играл за цех в футбол да убирал верстаки.

Чуть позже меня пригласили в экспериментальную молодежную сборную СССР (при том же обществе «Буревестник»), и, поскольку там платили стипендию, я со временем уволился с завода. Так началась моя футбольная профессиональная карьера.

* * *

Я очень благодарен матери, родным брату и сестре за терпение. Футболиста из меня могло не получиться, а мать не особенно и понимала, как этим можно прокормиться, но она видела, что сын при деле, по поселку не болтается, в милицию не попадает.

Брат и сестра, конечно, ворчали, когда летом я на весь день уезжал на «какой-то футбол», а на них сваливались все дела по огороду: прополка и окучивание картошки, полив

яблонь... Тем более им было обидно, что я, помимо тренировок в Москве, постоянно играл и в деревне. Бегали деревня на деревню в чистом поле, под высоковольтками, а штангами были как раз их опоры. Часто я убегал к лесу, где на поле паслись коровы. Вы будете смеяться, но скорость и ловкость развивал, ускоряясь в коридорах между коровами, что очень не нравилось пастухам.

Скорость, впрочем, не помогала уйти от преследователей из соседнего села – после одного из матчей меня догнали и сильно ударили в нос. Дело было так: играли с Андреевкой в футбол и, видимо, я позволил себе повыпендриваться перед соперниками. И как-то в школе, смотрю, под окнами кто-то шастает. Не думал, что ищут меня. После школы иду на станцию, догоняет компания ребят. Поворачиваюсь – и получаю сильнейший удар в нос, который привел к перелому. А потом старший брат, Славка, долго гонял Андреевку, откуда были обидчики.

* * *

Когда пригласили в «Буревестник» (по сути, открылся новый проект, который можно назвать аналогом нынешней молодежной сборной страны – только то была экспериментальная команда), я ушел с завода и через некоторое время стал выездным. Конечно, поездки за границу были запоминающимися. В Индонезии поразила бедность и антисанитария: по отелю бегали ящерицы, а в городских каналах народ мылся, нужду справлял, чистил зубы – все в одном.

Но главным, конечно, все равно был футбол. Как-то на турнире в Виареджо – уже в Италии – мы бились с «Ювентусом». То были первые уроки большого футбола: в дикий ливень мы пытались гонять мяч по лужам и ничего не могли сделать, а итальянцы преподали урок. Пока мы, тратя силы, пригоняли мяч к штрафной, они подбивали этот мяч вверх и с полумета отправляли к нашим воротам. Минут за 15 до конца силы нас покинули, «Юве» забил три мяча и выиграл. То был один из первых наглядных уроков тактики в моей футбольной жизни.

Игр у «Буревестника» было много, чувствовалось, что на нас всерьез рассчитывали и во взрослом футболе. В команде меня опекал врач, Николай Николаевич Алексеев, в 50—60-е годы работавший в «Спартаке» и сборной... Человек он был оспартаченный, работавший с великим поколением, выигравшим Олимпиаду в 56-м в Мельбурне!

Осенью 68-го, уже перед самым закрытием проекта «Буревестник», мы крупно обыграли дубль «Торпедо» на Восточной, и у раздевалки меня хватает за рукав Юрий Золотов, начальник торпедовской команды.

В трусах и майке захожу в какой-то кабинет и слышу:

– Женя, переходи к нам. Квартиру дадим, машину купить поможем.

Я – пацан 19 лет, мне никогда ничего подобного не обещали. Голова закружилась.

– Я, конечно, не против, – отвечаю.

Тогда же не было контрактов, заявления не писал, все на словах, и мог наобещать кому угодно и что угодно – парень я был деревенский и в этих делах неискушенный. Впрочем, что угодно могли наобещать и мне.

И все бы ничего, не пообещай я до этого разговора с руководителем торпедовцев, что перейду в... «Спартак». Да кому – главному тренеру команды Никите Симоняну.

* * *

Приглашение в «Спартак» я получил в Сандуновских банях, куда меня привел врач «Буревестника», тот самый, работавший долгое время у красно-белых и хорошо знавший Никиту Павловича.

– Женя: мы за тобой внимательно следим и хотели бы тебя взять в команду, – сказал мне Симонян.

– Есть же «Буревестник», как я могу оттуда уйти, если команду не закрыли? – ответил сначала. Но поспешил добавить: – А вообще, я не против.

В общем, за один месяц дал добро сначала «Спартаку», а потом и «Торпедо». Как-то, в конце 68-го, пришел в «Лужники» на матч чемпионата СССР. Играл не «Спартак», ветераны красно-белых сидели обычно в одном местечке. Это не была вип-ложа, потому что вокруг располагались и обычные болельщики. Я в тот раз сел за спинами спартачей – там и Никита Павлович был.

Думал, что он меня и не заметит, как вдруг поворачивается:

– Жень, я что-то слышал, ты в «Торпедо» засобирался?

– Да что вы, разговора не может быть, в «Спартак», конечно! – быстро ответил я. И это был мой последний выбор.

Глава вторая. Никита Симонян

Глава, в которой говорится о том, как в бане получить приглашение от самой популярной команды страны

«Ну, скоростина!», или Прописка от Старостина

«Буревестник» вскоре расформировали, а игроков – приче, всех – забрал к себе «Локомотив». Мы с Сергеем Ольшанским, он выпустился из ФШМ, что в «Лужниках», которого тоже звал «Спартак» и все у него было договорено, поехали в Министерство путей сообщения, предварительно выслушав Николая Петровича Старостина. Он все объяснил: едете, слушаете, ничего не подписывайте, мы решим все вопросы.

Впечатление о том «Локомотиве» сложилось, когда в коридорах, как бы сейчас сказали, офиса клуба увидели защитника команды Владаса Житкуса, игравшего до этого в «Спартаке». Видимо, его в чем-то обманули, он был разъярен.

– Ребята, вы в «Локомотив»? Бегите отсюда быстрее! – сказал он нам.

Мы и ушли. Но «Локомотив» просто так не сдался и потребовал, заручившись поддержкой федерации футбола, чтобы Ольшанский и Ловчев перешли именно в этот клуб – как я понял, железнодорожники даже перечислили какие-то деньги в общество «Буревестник».

В федерацию нас с Сергеем вызвал ее руководитель, Валентин Гранаткин, грозил дисквалификацией. Вот тогда уже стало страшно. Но мудрый Старостин успокоил:

– Женя, ты можешь вспомнить хоть один случай, чтобы молодой футболист из-за такой дурацкой дисквалификации завершил карьеру?

* * *

Вскоре все решилось, мы с Сергеем перешли в «Спартак», а я с первого же матча попал в основной состав. Не потому, что играл так хорошо, просто Анатолий Крутиков, легенда клуба, игрок, который в 60-м выиграл со сборной СССР первый Кубок Европы, порвал ахилл.

Пропуском в основной состав стала одна фраза Старостина. Моим козырем была скорость, и как-то на сборе в Гаграх мы играли с «Днепром». Форвард соперника с центра прорвался один к нашим воротам, я же сумел прибежать со своего края в центр и в подкате выбил мяч, подстраховав центрального защитника.

Хорошо помню возглас Старостина, который стоял за воротами:

– Ну скоростина!

* * *

Но то было на сборах, а до них тренироваться мы начали на улице Воровского, в центре Москвы. Мы с Ольшанским зашли в раздевалку, переодеваемся и слышим, старшие подкалывают:

– Маски, откройтесь, кто вы?

Атмосфера была демократичной, но работе это не мешало, вкалывали по-взрослому, нагрузки были серьезные. И в Москве, и уже на сборах в Сочи: в дождь в грязи разыгрывали квадраты пять на пять на полполя. Кроссы чумовые, скоростная работа. С утра до вечера на мраморном, оно же гаревое, поле.

Не до тактики, готовили сначала мышцы, и я именно там почувствовал – вот он, большой футбол, команда мастеров.

* * *

Болельщики часто спрашивают – сколько футболисты зарабатывали в советское время? Ставки у всех команд высшей лиги были одинаковы. По-моему, в команде имелось 13 ставок по 180 рублей, несколько по 110 рублей и стажерские – по 60 рублей. Но самое главное – премиальные, которые зависели не столько от результата, сколько от кассового сбора за билеты. Все деньги делились между клубами в следующей пропорции: 45 % получала проигравшая команда, 55 % победившая.

Из этих 55 % 45 забирал клуб, а 10 делили на премии игрокам. После попадания в сборную ставка в клубе увеличилась до 300 рублей. А еще были и премиальные, и в сумме доходило до 500 рублей – большие по тем временам деньги для 20-летнего пацана. Для справки – рабочий в то время зарабатывал около 120 рублей. Согласитесь, разрыв между обычным рабочим или служащим и футболистом не был столь вопиюще велик, как сейчас. Деньги отдавал родителям, жить продолжал в Алабушево, но все же большую часть времени проводил в Тарасовке, на базе.

Когда после игр ехал домой на электричке, иногда проводил эксперимент: подсаживался к мужикам, которые возвращались домой с матча, и проводил опрос: а что там в «Спартаке» молодой пацан Ловчев появился, вроде неплохой, как вам?

В ответ слышал иногда удивительное: что, мол, Женька, вот у него брат в два раза лучше играл, да спился. Стал, как говорится, обрастать легендами.

* * *

Но в этом плане до Васи Калинова мне было очень далеко. Этот парень из Балашихи (играл в местном «Машиностроителе»), полузащитник, пришел в команду в один год со мной – в 69-м.

Рубаха-парень, юморист. Рассказывал, как после игр «Машиностроителя» футболисты, попив пивка и проболтавшись по Балашихе, договаривались позвонить тренеру. Наберут его по домашнему телефону и говорят:

- Тренер, вы чудак на букву «м».
- Кто говорит? – спрашивал тренер в ответ.
- Все говорят.

Вася был находчив и коммуникабелен. Как-то после поездки «Спартака» в Ростов напросился со мной, можно сказать, в сваты. Татьяна, моя будущая жена, играла в баскетбол на позиции разыгрывающей за сборную Института Физкультуры, и Вася считал, что он легко найдет общий язык и с ней, и с ее отчимом – фамилия моего будущего тестя знатная, Яшин.

Приезжаем, дверь открывает дядя Паша, тот самый отчим Татьяны.

Диалог у Васьки и Дяди Паши следующий:

- Татьяну можно?
- А ее нет.
- А где она?
- Вы из Ростова, что ль, вернулись?

И Васька, раскусив болельщика, сразу говорит:

- Я сбегаяю.

И сбегал – понятно, что не за лимонадом. Васю очень интересовало, как дядя Паша с такой фамилией болеет не за «Динамо», а за «Спартак». Оказалось, моего тестя как-то ни за что отдубасили милиционеры на Курском вокзале.

- Как же мне после этого болеть за «Динамо»? – говорил дядя Паша.

Чемпионство и киевские торты

Мой первый футбольный сезон в «Спартаке» в Москве начался 26 апреля – играли в Лужниках с минским «Динамо», и на этот матч пришло 46 тысяч зрителей! До этого мы четыре матча провели на юге – в Ташкенте, Алма-Ате, Тбилиси и Кутаиси.

Начали сезон мы удачно – с четырех выездных матчей привезли 5 очков (за победу тогда давали два), и уже на второй домашний матч, с «Торпедо» в Лужниках, 2 мая, пришли 103 тысячи человек!

* * *

69-й – самый радостный, первый мой в большом футболе, год. В мае 69-го в Москве провели турнир четырех сборных – первой, олимпийской, молодёжной и юношеской. И я сыграл за олимпийскую команду, после чего на базу в Тарасовку приехал главный тренер национальной сборной Гавриил Дмитриевич Качалин. Гавриил Дмитриевич появился на тренировке «Спартака». Наш защитник Геша Логофет мне и говорит: «Точно по твою душу приехал». Вскоре после визита Качалина меня вызвали в сборную – отзывы Симонян, видимо, дал самые хорошие. Я играл неплохо, нравился и специалистам, и болельщикам.

* * *

Болельщики были страшной силой в те времена. Футболисты жили ближе к простому народу: ездили на электричках, на метро, а свои машины имелись у единиц. Помню, как-то, уже когда я получил квартиру на ВДНХ в знаменитом доме «на курьих ножках», мне после неудачной игры водопроводчик так вроде с юмором, а на самом деле серьезно, говорит:

– Жень, еще раз проиграете, я тебе воду отключу!

И попробуй тут, поругайся! Или еще случай: играли с «Днепром» в Лужниках, и перед этой встречей Александр Масляков, основатель КВН, снимал для телевидения программу «Адреса молодых». Старостин разрешил поставить камеры прямо в раздевалке. Непривычная ситуация, футболисты зажалась и, толком не подготовившись к игре, уступили – 1:4. После матча несусь на своих «Жигулях» по набережной, выскакивает из-за угла гаишник.

Останавливаюсь, он показывает радар – 110 км в час!

Начинаю оправдываться, что-то говорю про тяжелый матч.

– Как сыграли-то, Ловчев? – спрашивает он, даже не глядя в права и техталон.

Узнает счет, злится и в моем талоне делает дырку – на тебе! А в то время была система, когда за определенное количество этих дырок (нарушений) отправляли на пересдачу в ГАИ.

* * *

Первый год – самый памятный, я помню почти все матчи. Очень яркие воспоминания: как по «Маяку», где мы всегда узнавали вечером после тура результаты, объявили: «Спартак» сыграл вничью с «Кайратом», гол с передачи Ловчева забил Осянин. Не представляете, какой в этом был кайф!

Чемпионат мы начали в Ташкенте в дикую жару. Я подключаюсь в атаку, отдаю – а мяч перехватывают. Потом – второй раз, но подбегает Сергей Рожков, наш защитник, а он заикается немного: «Ммммолодой, ееще раз потеряешь – яяя тебя урою».

Старшие опекали молодых. В выходной день Геша Логофет брал меня и семью Осянина на Клязьму, на водохранилище, а Гиля Хусаинов отвечал за бани – на следующий день команда собиралась там. Впрочем, туда съезжались все московские футболисты.

* * *

Помню, Юра Семин, когда в «Динамо» играл, приехал и начал подтравливать нашего массажиста Славу Иванова – Палыча мяли двое, а меня только один. И Юрка затягивал: что-то слабоват стал «Спартак», раз массажистов не хватает. Слава злился: «Сема, смотри на табло». А мы в тот год лидировали.

Гиля хозяйственный, у него был талмуд, где записаны ФИО шеф-поваров московских ресторанов. И после бани мы частенько туда заглядывали.

А уже в конце первого года в «Спартаке» я получил еще один урок – когда прямо на тренировке стали драться Хусаинов и Логофет. Две звезды, опытнейшие футболисты! Это было после окончания сезона, в Ливане, куда «Спартак» приехал на товарищеские игры. Я был в шоке, дикость какая-то, но Анатолий Исаев, помощник Симоняна, все объяснил: конец сезона, все устали, нервы на пределе. В дальнейшем я и сам порой дрался – с Прохоровым Сашей, с Мишей Булгаковым.

В 69-м Симонян подобрал очень хорошую команду, все как-то сложилось. Состав хороший: Вадим Иванов, Сергей Рожков, Коля Абрамов, Коля Киселев, Вася Калинов, Витя Папаев, Коля Осянин, Гиля Хусаинов, Геннадий Логофет и, конечно, наш выдающийся вратарь Анзор Кавазашвили...

* * *

Решающим в чемпионате стал матч в Киеве. «Динамо», которое трижды подряд стало чемпионом страны, опережало нас на очко, и чтобы выиграть золото, «Спартаку» нужна была только победа. У Киева тогда была классная команда: Хмельницкий и Пузач, Мунтян и Бышовец, Рудаков...

На установке Никита Палыч сказал всего несколько слов:

– Все, что могли, сделали. Никто в вас, если проиграете, камень не бросит, вы целый год провели великолепно. Просто покажите свой футбол.

Играли в самом конце октября, едва начали – пошел сильнейший град. Киев давил очень сильно. Наш вратарь Анзор Кавазашвили невысокого роста, но на выходах играл потрясающе. И еще он в том матче продемонстрировал свое ноу-хау при стандартах.

У соперника в составе был Виктор Серебрянников – мастер штрафных, в тот год он назабивал со стандартов много голов. И в той игре произошел уникальный случай. Виктор пробил в девятку – Анзор достал. Но судья велел перебить, и Серебрянников ударил уже в другой угол. Но Анзор и этот удар потащил! Вот в чем было ноу-хау: Кавазашвили раздвигал стенку на две части, закрывая тем самым углы, а сам он стоял по центру ворот и успевал долететь, если надо, до углов.

Представьте картину – на матче 100 тысяч зрителей, которые болеют против тебя, и Коля Осянин, обыграв на протыке пятерых – Сабо, Турянчика, Круликовского и Соснихина и вратаря Рудакова, забивает! Мы выдержали стартовый натиск и сумели реализовать свой момент, повели в счете. Нас давили весь второй тайм, но «Спартак» выдержал.

Может быть, та установка Симоняна и стала главным фактором. Мы успокоились, были настолько расслабленными, что в день игры пошли в магазин, чтобы купить родным знаменитые киевские торты. Помню, идем назад в гостиницу, у каждого в руках по три торта.

А навстречу легендарный обозреватель «Советского спорта» Лев Иванович Филатов. У него от удивления и рот раскрылся: золотой матч, а спартачи по магазинам за тортиками ходят!

– А вы почему не в гостинице? – спросил Филатов.

– А мы свою задачу уже выполнили! – ответили мы. Имелись в виду, конечно, торты. Потом уже Лев Иванович, по-моему, про этот случай в «Советском спорте» написал.

* * *

В конце года нас награждали золотыми медалями. Вручали награды баскетболистки подмосковного «Спартака», знаменитые Ольга Сухарнова, Нелли Ферябникова, олимпийские чемпионки, чемпионки мира. Народ, а в лужниковский дворец спорта пришли тысяч восемь, ухахатывался: мы с Гилей Хусаиновым были высоким девчонкам (ростом под два метра) по пупок!

«Спартак» был не такой, как все, это даже в награждении проявилось, когда на сцену позвали опального в ту пору Михаила Ножкина. Певец и актер провел запрещенный, можно сказать, творческий вечер. Старостин потом рассказывал, что впоследствии стали искать, кто на сцену выпустил поэта. Чапай рассказывал, как отбил: мол, сидел в зале и ничего не знает, а Ножкин (это же он сочинил стихи, где были строчки: «А в музее Ленина – лишь пальто простреленное, два костюма стареньких да пара башмаков») сам вышел, поскольку болел за «Спартак».

Вася Калинов и фото для «Пионерской правды»

Тренерами в мой первый год в «Спартаке» были Никита Симонян, Анатолий Исаев, Сергей Сальников и Анатолий Коршунов. Это традиции, они же все спартачи, я видел, как люди переживали и как любили клуб, как нянчились с нами, футболистами.

* * *

Вася Калинов... Игрок очень талантливый, но нережимный. Сколько же баек с ним связано!

Он сам из Балашихи и в выходной уезжал туда. Ну а возвращался, скажем так, иногда не в лучшей форме. Тренировка идет восстановительная, жарница страшная!

Никита Палыч говорит: ребята, бегаем по кругу. Вася садится на поле, во рту травка, стебелек жует. Тяжело бегать «после вчерашнего».

– Никит Палыч, – начинает Вася, – говорят, вы прилично по воротам били?

Палыч зовет второго тренера, Анатолия Константиновича Исаева:

– Исайчик, есть заказ!

Исаев подает с фланга, Симонян бьет с лета, а Васька комментирует – это удар для «Пионерской правды», это гол для «Комсомолки», а это для «Советского спорта».

Проходит несколько минут, тренеры понимают, что все бегают, а Вася тут журналиста изображает.

– Вась, три круга, и в баню, – говорит Симонян.

* * *

Не надо думать, что Симонян был слишком мягким человеком, я на себе испытал это. В 71-м мы играли на Кубок с «Кайратом» в Москве. У Алма-Аты всегда была злая, неуступчивая команда.

У меня в самом начале футбольной карьеры сводило ноги в конце матча. Проблема больше психологичная – как подумаю о судорогах, так и они приходили. Вываливался за поле, и массажист разминал икры. Я не понимал, что происходит, доктора тоже не могли разобраться. Пил таблетки, но все равно не помогало: как 15 минут до конца остается, проблемы с мышцами возвращаются. И вот игра с «Кайратом», идет дополнительное время, все замены уже сделаны. И как всегда, у меня начинает сводить ноги.

Прошу нашего полузащитника, Колю Киселева, подстраховать меня на месте левого защитника, опасаясь не успеть за своим игроком. И в последние 15 минут Олег Долматов, игравший тогда за «Кайрат», на моем фланге мог дважды забить. Дважды мяч после его ударов попадал в штанги. Я с поля не ушел, хотя ноги сводило, и чувствовал себя героем – помог же команде.

В раздевалке Симонян мне, как теперь сказали бы, напихал. Ну, сейчас-то я понимаю, что он просто повысил голос, стал мне выговаривать за те два удара Долматова – мой же игрок! После игры, когда разъезжались по домам, я, молодой-горячий, сказал партнеру по команде, Вадиму Иванову, что с футболом закончил. Сейчас понимаю, что надо было раньше уйти с поля, попросив замену, и команда бы перестроилась, а тогда казалось – ну, я же герой, ногу скручивало, а все равно доиграл. И тем более – мы же победили!

* * *

Через четыре дня игра с ЦСКА в Лужниках. Я обижен, не приезжаю в Тарасовку на сборы. На матч пошел по билету и сел среди болельщиков. Сыграли 1:1, я поехал домой. Мне казалось, что началась другая жизнь, жизнь обычного болельщика.

Но тем же вечером позвонил Старостин. Говорили полтора часа, я горячился, сказал, что разочаровался в идеалах «Спартака», что Симонян не прав. Сейчас вспоминаешь; ну бред же, тренер прав! А тогда Николай Петрович слушал все это, успокаивал... И в конце сказал фразу, которую я и сейчас часто вспоминаю.

Часто слышу, как журналисты, комментаторы, работники клубов и даже пресс-атташе говорят: вот, это команда Ярцева, Романцева, Аленичева или Карпина. Ерунда, потому что люди приходят и уходят, «Спартак» остается и в него на какое-то время приходим все мы: тренерами, игроками... То же самое слышу и о сборной: команда Капелло, Адвоката, Хиддинка или Слуцкого. Нет, это сборная нашей с вами страны!

Старостин тогда сказал: «Женя, Симонян и Старостин – это еще не «Спартак». «Спартак» – это что-то большее, аура в стране, некое воспитание. Некий протест даже!»

Протест – в 70-е годы? Я долго думал тогда над словами Старостина, потому что знал о порядках в других клубах и сравнивал с той демократией, что мы, игроки, имели в «Спартаке». Воспитание и жизненный опыт не позволяли Старостину говорить свысока и что-то навязывать. Его любимые поговорки: «Ум хорошо, а два лучше», «Истина посередине», «Семь раз отмерь, один отрежь». Почему мы звали его Чапаем? Как мне рассказал Никита Палыч, прозвище это пошло еще с начала 60-х. В фильме «Чапаев» есть эпизод, когда комдив объясняет тактику ведения боя – расставляет картофелины на столе и говорил, где должен быть командир в той или иной ситуации. Так и Старостин – когда установку завершал тренер, вставал с места и добавлял что-то свое.

Когда Старостин сказал ту свою фразу («Спартак» – это нечто больше, чем Старостин и Симонян), все встало на место.

* * *

Руководители в «Спартаке» в то время были людьми мудрыми, много пережившими и повидавшими. Однажды на встрече ветеранов мы долго уговаривали сказать тост дочь Николая Петровича. Елена Николаевна долго не соглашалась, а потом сказала:

– Для отца «Спартак» был делом всей его жизни.

Насколько же это контрастирует с выражениями о том, что «Спартак» – это команда чья-то: тренера, владельца... Для меня «Спартак» на все времена – это общество и клуб Старостина.

В общем, Николай Петрович все разложил по полочкам.

* * *

На следующий день после разговора с ним я, как наблудивший котенок, приезжаю в Тарасовку. Там рядом с полем всегда был памятник Ленину, с клумбой, игроки шли по дорожке мимо Ильича на поле.

И вот иду, а с другой стороны Ленина – Симонян. Первая встреча после того, как я взбрыкнул. Идем, а между нами Ленин.

Здороваюсь, жду разноса – сейчас начнут жизни учить. Был к этому готов, и ответил бы, не стал молчать.

А Никита Палыч спокойно так говорит:

– Привет, Жень, иди на тренировку.

И все, конфликта нет. Представляю, сколько бы я наслушался о себе, окажись на месте Симоняна Бесков. Козырь Симоняна – умелое распределение обязанностей тренерским штабом, умение снимать напряженность, доверие, создание прекрасной обстановки.

Он никогда не замыкал все вопросы на себя. За соперников отвечал Сергей Сальников, и его рассказы, довольно простым языком, без запугивания соперником, мне запомнились. Симонян умело работал с молодыми. Его отличие от Бескова в том, что он не только умел дать старт юниорам, но и в тот момент, когда они что-то из себя уже представляли, говорить с ними, не унижая, но и давая понять дистанцию. Симонян, человек мягкий, умел резать по живому. Именно Палыч отчислил из «Спартака» Нетто.

В период чемпионата, после сборов, я не помню тяжелых тренировок. Работа была поддерживающая, между играми на восстановительных тренировках играли в баскетбол. А Симонян натаскивал молодых. Брал меня, Папаева и показывал, как подключаться в атаку, как взаимодействовать, если я ухожу в атаку, кто кого страхует.

* * *

А с этими судорогами есть еще одна интересная история, напрямую со «Спартаком» не связанная. На углу Садового кольца и Сретенки в Москве располагался магазин, в котором отоваривались известные футболисты и хоккеисты, потому что директором был болельщик. Мяса вырубят получше, паштета дадут, икры.

Это не бесплатно, но современному читателю, привыкшему к изобилию в магазинах, надо объяснить – дефицитный товар в то время в обычном магазине было не купить, только со двора. И мы не бесплатно это брали, платили плюс давали билеты на футбол.

Как-то иду по залу – навстречу Михаил Иосифович Якушин. Увидел его – обалдел, великий же тренер, легенда, Хитрый Михей. Он говорит: «Привет, Хамрин». А Хамрин – великий шведский игрок, первый иностранец в итальянском футболе. Он постоянно выходил на поле со спущенными гетрами, играли-то без щитков.

А я в конце матча играл со спущенными гетрами, считал, что резинка давил на икры, и потому у меня ноги сводит. Я спросил, почему Хамрин-то?

Якушин ответил, что играю так специально «под Хамрина». Отвечаю, почти оправдываясь: мол, ноги сводит, что делать, подскажите? Уважительно так общаюсь. Он хитро улыбается, отвечает: «Хочешь дам совет, чтоб ноги не сводило?»

– Конечно, – отвечаю. Ну, думаю, рекомендует какие-то солевые таблетки, которые я не знаю.

И дальше Якушин говорит:

– Иди работай бухгалтером, руки сводить будет...

Хороший совет?! А лет через 10 после той истории в ложе на «Динамо» столкнулся с Якушиным. Поздоровался, а в ответ снова услышал:

– Привет, Хамрин!

* * *

А судороги вскоре ушли. В 72-м сборная готовилась к мюнхенской Олимпиаде, с нами работал психолог из Харькова. Был знаменит гипнозом, у него, рассказывали, женщины в этом состоянии даже рожали. И вот этот психолог-экстрасенс за несколько занятий смог

снять у меня с подкормки эту тему с судорогами – больше не сводило! Но если я хотел решить проблему и доверял ему, то команда над психологом просто издевалась.

Перед второй тренировкой он обычно приходил на тихий час и начинал говорить: мышцы ваших рук расслаблены, вы спокойны, тепло разливается по вашему телу... Мургазу Хурцилаве, нашему защитнику, это сильно не нравилось. И он обычно перед сеансом давал команде установку: так, минуты через три показываем, что спим. Некоторые даже начинали храпеть. Экстрасенс заканчивал свой сеанс, уходил, а сборная начинала хохотать. Футболисты в его способности не верили, а мне это очень помогло.

Операция «Мохер», уход Симоняна

В 70-м, постчемпионском сезоне, «Спартак» занял третье место, а в 71-м выиграл Кубок, где соперником по финалу стал ростовский СКА. Перед финалом я и Анзор Кавазашвили получили травмы и в первом матче на поле не вышли. Я потянул заднюю, а у Анзора было что-то с пальцем руки, вроде бы заражение.

* * *

В ворота на финал поставили Йонаса Баужу, прибалта. Парень он хороший, но странноватый. Как-то я спросил: «Йонас, ты как к русским относишься?» А он и говорит: «Нормально. Дали бы автомат, всех бы перестрелял». Сказал вроде бы шутя, но мне запомнилось.

А еще Баужа запомнился своей первой машиной, «Москвичем», – как ни приедешь в Тарасовку, он все свободное время лежал под своим авто. Постоянно его ремонтировал! Водитель Баужа был так себе. Помню картину: шоссе, едет Йонас, и когда его кто-то догоняет, вратарь высовывал огромную руку из окна и, как жезлом, махал ею – мол, обгоняйте, еду медленно!

* * *

В финале мы до последней минуты проигрывали СКА – 1:2. Я смотрел игру с трибуны и за пару минут до конца стал спускаться в раздевалку – думал, что уже все, не отыграть. Но Логофет думал иначе – и от самой бровки наудачу сильно пробил в сторону ворот, мяч летел в руки голкиперу ростовчан Кудасову, попал в грудь и отскочил в сетку! Думается, что Лева Кудасов уже думал в тот момент о круге почета. Но в футболе есть закон – играть надо до свистка. И в дальнейшем я с этим столкнулся на ЧМ-1970 в Мексике, когда в четвертьфинале с Уругваем за 4 минуты до конца овертайма вся наша команда поднимет руки, посчитав, что мяч ушел за бровку. А свистка-то не было... Ну и получили гол. Но то отдельная история.

Ничья – и назначенная на следующий день переигровка. В раздевалке, слышу, подходит Андрей Петрович Старостин к Симоняну:

– Никита, завтра надо выставлять все самое классное, беготни не будет, все решит мастерство.

Я, услышав эти слова, подхожу к Симоняну и прошу сделать новокаиновую блокаду, чтобы помочь команде. Анзор тоже вышел играть. В переигровке мы победили – 1:0, гол забил Коля Киселев.

Сезон 72-го года обещал быть тяжелым. Финал чемпионата Европы в Бельгии, Олимпиада в Мюнхене... В общем, в конце 71-го я решил лечь на обследование и лечение в ЦИТО, чтобы подлечить все болячки и нормально войти в сезон.

* * *

А «Спартаку» в конце 71-го предстояла коммерческая поездка во Францию. В советское время в таких поездках можно было заработать – результат не давит и руководство смотрит на «отовариться» не слишком строго.

Не помню уже, почему, но в СССР мохер очень ценился, его продавали только в «Березке», магазинах, где все за валюту.

Я во Францию не поехал, команду встречал в Шереметьево и все видел своими глазами. А то, что случилось в Париже, рассказали потом ребята.

Вот технология мохерного бизнеса: в СССР мы покупали валюту у фарцовщиков, чтобы там купить мохер на продажу или пластинки для себя: Битлов, Тома Джонса, «Ugia Нер»...

Вот какими были обороты в этом бизнесе: покупали у фарцовщиков на черном рынке доллар по три с половиной рубля. В долларе было 5 франков, моток этого дьявольского мохера (15 грамм) стоил 1 франк. То есть за три с половиной рубля (один доллар) мы могли купить во Франции 5 мотков мохера, а в Союзе один моток продавали за 15 рублей, и получалось, что из трех с половиной рублей делали 75 – сумасшедшая окупаемость! Сегодняшним бизнесменам и не снилось такое.

В той поездке в гостинице Парижа вместе со «Спартаком» поселился и знаменитый ансамбль Моисеева. Эту историю знаю со слов Васи Калинова. Артисты навели футболистов на фабрику мохера, Вася рассказывал, что команда хорошо затарилась, а он сам купил мягкий чемодан и всю ночь утробывал товар.

В Москве команду уже поджидали таможенники. Весь зал прилета аэропорта был в пуху. Таможенники открывали чемоданы и оттуда вылетал мохер, и не только. Анзор Кавазашвили привез огромный отрез материи, и когда его стали разворачивать, «скатерть» накрыла почти весь зал.

Смотрю на это и не понимаю: команду трясут, где же руководство?! А тренеры и Старостин шли последними. И вот приглашают Чапая:

– Николай Петрович, пожалуйста, вы!

Поднимают его легонький чемодан, все в предвкушении, сколько ж провез мохера?! Открывают чемодан, а там всего две пуховые подушки... Таможенники разочарованы: опять не поймали. А вот несколько ребят после этого случая стали невыездными.

Понятно, что команду вели. Но откуда информация, что спартачи везут во Францию и что хотят привезти обратно?! Это позже мы узнали, что в моисеевском ансамбле чуть не каждый третий был чекистом.

* * *

Похожая история случилась в конце 75-го. Мы летели в Италию на матч с «Миланом» в Кубке УЕФА. Известно, что Шереметьево все телефоны-автоматы прослушивалась. Наш нападающий Валера Андреев забыл валюту дома и по телефону попросил жену подвезти деньги в аэропорт. Валера подходит к Старостину уже после звонка домой:

– Я деньги забыл.

– Какие?

– Ну – те, – говорит Валера о валюте, – но жена обещала подвезти.

– Ну, дай бог, – отвечает Старостин. – Дай бог...

Команду тут же, после звонка, начали шерстить. Смотрю, а Чапай ходит по кругу, как будто ничего не происходит. Я волнуюсь – что делать-то, команде играть, сейчас не выпустят. А Старостин продолжает ходить по кругу, держа руки за спиной.

Но помог, как мы их называли, Дядя Ваня – один из работников КГБ, которые всегда сопровождали советские команды. Он под свое поручительство договорился, чтобы всех отпустили, а по возвращении несколько игроков стали невыездными. Но вообще-то, это было больше по незнанию, надо было просто декларировать деньги на таможне – я много играл в сборной и никогда проблем с этим не имел.

В команде, конечно, был разбор того самого «дела о мохере» – устроили собрание. Старостин обычно перед ними проводил инструктаж, готовил нас к выступлению, кому и

что говорить: мохер, мол, купили детям, родственникам в подарок, но ни в коем случае не на продажу.

И вот команда отвечает на вопрос: тот купил 100 кусков мохера бабушке, тот бабушке, детям. И только Вася Калинов не врет: «Ну как зачем купил? Отпуск же скоро, деньги нужны! Этого мохера, если продать, на машину хватит!»

* * *

Вася Калинов – это трагическая судьба: поиграл на высшем уровне совсем немного (но как поиграл!), а затем просто пропал.

Как-то, когда я уже руководил мини-футбольным «Спартаком», а офис был в ДК «МЭЛЗ» на Семеновской, Вася приехал и попросил денег. По его словам, нужно было дать взятку, чтобы его устроили на работу охранником на автостоянку. Я понимал, что пропьет, но он приехал с сыном. Сергей, сын, сказал мне, что несколько дней не ел. Я повел парня в буфет, накормил, сказал, что дорогу он ко мне теперь знает и в любой момент может приехать. Как-то, много лет спустя, Сергей позвонил мне в эфир радиопрограммы – очень рад, что парень вырос. Да в кого! Года два назад в Якутске, куда я был зван послом футбола на детские олимпийские игры Азии, мне секретарь федерации шашек России сказал, что Сергей Калинов стал одним из лучших гроссмейстеров страны. И я очень этому порадовался.

* * *

В конце 72-го Симоняна все достало. Мало того, что год закончили неудачно – 11-е место (несколько игроков после той истории с мохером стали невыездными и команду покинули). Чувствовалось, что тренера обложили с разных сторон – как волка на охоте флажками, и этот образ Палыч как-то привел в интервью.

В конце 72-го он приехал ко мне домой. Сели на кухне, Никита Палыч и моя жена Татьяна выпили чуть-чуть коньячку, и тренер сказал страшные для меня слова: «Женя, я хочу уйти из «Спартака».

Все время думаю, почему он приехал ко мне. Возможно, потому, что к тому моменту я уже был признан лучшим футболистом страны, стал лидером «Спартака». Но он понимал, что мне – как второй отец, и первым обо всем должен узнать сын. Вскоре об этом узнали уже все, и той же зимой Симонян, с которым мы продолжали общаться, предложил съездить в гости к своему другу, режиссеру Эдмонду Кеосаяну. Тому самому, снявшему суперпопулярных «Неуловимых мстителей».

Пока ехали на Мосфильмовскую улицу, Палыч придумал розыгрыш: «Эдмонд болельщик «Спартака» и «Арарата», давай пошутим, что и ты со мной уходишь в Ереван».

Приезжаем, Симонян говорит:

– Эдмонд, надо принять решение – Ловчев просится в «Арарат», но я-то не могу ослаблять «Спартак». Что делать, подскажи.

Кеосаян задумался.

– Таак, ты сам, значит, уходишь, а ему запрещаешь? – наконец, заговорил. – Это почему так? В чем проблема?

Мы не выдержали, начали хохотать. Эдмонд понял шутку и не обиделся. Симонян позволял режиссеру, бывавшему на матчах «Арарата», сидеть рядом с собой на лавочке. Известна история, когда левый нападающий «Арарата» Николай Казарян помчался по бровке в атаку, а импульсивный Эдмонд вскочил и параллельно с ним по беговой дорожке тоже рванул к чужим воротам. Все равно как в биатлоне тренер гонит спортсмена! Народ на «Раздане» аплодировал стоя.

* * *

Как-то Эдмонд Кеосаян пригласил меня с женой на премьеру фильма в Дом кино, что недалеко от Маяковки, где жил Бесков. Кеосаян снял фильм «Мужчины»: об Армении, культуре, нравах республики. Я пришел туда с Володей Федотовым, с которым был дружен. Был зван и Бесков.

Нас узнали, за столик подсел артист, исполнявший главную роль. Когда банкет закончился, Константин Иванович говорит: «Все в машину». А нас, пассажиров, шестеро. Бесков сказал, что довезет до Маяковки, а дальше всех развезет Володя. В этот момент актер, главный герой фильма, подходит, стучит в окошко... Я думал, он хочет с нами попрощаться. Бесков же посчитал, что актер, узнав тренера, хочет поздороваться и попросить автограф.

Константин Иванович открыл окно, но вместо ручки и блокнота увидел протянутый червонец и услышал: «Шеф, довези ребят, куда попросят».

Бесков был в ярости. Нас знают, а его нет!

* * *

В тот год мы играли с «Араратом» принципиальный матч в Ереване. В какой-то момент команды сошлись врукопашную. Симоняну, наверное, было непросто сдержаться. Я поглядывал в его сторону, но Никита Палыч ни разу не встал с лавки.

Симонян в первый же свой год в «Арарате» стал чемпионом и выиграл Кубок, всем и все доказав. Тот финал – «Арарат» – «Динамо» (Киев) в Лужниках – это что-то особенное. С одной стороны, это трагедия Сан Саныча Севидова, тренера киевлян. «Динамо» вело в счете, и за пару минут до конца человечный, любивший футболистов как своих детей Севидов решил сделать приятное двум игрокам.

Почему двум? Потому что те, кто появлялся в финале на поле, вне зависимости от игрового времени, получали звание мастеров спорта. Севидов поменял двух форвардов – сначала Онищенко, а за минуту до конца основного времени – и Блохина. Меняли, по сути, тех, кто был рядом с бровкой. И вот трагедия – уже в компенсированное время игрок «Арарата» Левон Иштоян сравнял счет.

Я комментировал матч для телевидения и в самом конце спустился к полю, слышал, как ругался Олег Блохин: «Меня поменяли, Онищенко, кто забивать в дополнительное время будет?» В овертайме Иштоян забивает второй, победный, гол, а Севидова вскоре снимают с работы...

* * *

На следующий день в Ереване был праздник: на центральной площади города на спине памятнику Ленину нарисовали восьмерку, номер Иштояна. Симонян как-то рассказал анекдот:

– В Ленинанкан на рынок пришел Пеле. Ходит по рынку, а его никто не узнает. Подходит к торговке: «Почему не узнаете?» Та спрашивает, что за человек. Пеле отвечает, что он самый знаменитый футболист. Торговка умиляется: «Левоник, как же ты, милый, загорел-то!»

Глава третья. Николай Старостин

Глава, в которой говорится о хозяине «Спартака» и о визите ветеранов Перовского района в гости к Александру Бубнову

Чапай. Все время на работе

Проезжая мимо метро «Красносельская», всегда притормаживал у здания на углу – там был офис московского городского совета общества «Спартак». В одном из окон я всегда различал силуэт Старостина. Он всегда был на работе.

Вот как проходило мое зачисление в «Спартак». Думаю, в других клубах все было более формально, а в «Спартаке» как будто в члены общественной организации принимали.

Ни накачек, ни «торжественно клянусь». Николай Петрович, когда я приехал на Красносельскую и зашел к нему в кабинет, что-то писал в блокноте. Дописал, снял очки и начал меня рассматривать. А у него был жест такой характерный: что-то говорил, протирая очки платком.

– Мы за тобой смотрели, хотели, чтобы ты играл у нас. Знаем, за кого ты болеешь, – сказал Старостин.

То есть нет напряжения абсолютно, он со мной как дед с внуком говорил! Не как руководитель с футболистом, а как родственника воспринимал.

* * *

Он был вхож во все инстанции. Когда что-то выигрывали, команду принимали в Моссовете, а Старостин перед походом туда собирал с игроков просьбы, все записывал: этому мебельный гарнитур, тому телефон, третьему – машина, детский садик ребенку.

И Старостин, все подготовив, после приема оставался один на один с руководителем Моссовета и подавал списки. Однажды у меня вышел конфуз. Попросил провести телефон в квартиру, потому что сам получил отказ – и как раз в тот день, когда пошли в Моссовет. Я отдал эту бумагу Старостину, после чего вопрос быстро решили, сняв какой-то номер на телефонной станции.

Как сейчас помню, номер – 281-05-61. Телефон звонил без конца, часто – ночью. Звонили часа в три и говорили: «Что-то случилось с телефоном, проверьте – называли номер и клали трубку». Оказалось, то был номер справочной на телефонном узле, и я для звонивших был кем-то вроде мастера по ремонту телефонов. Рассказал о ситуации Старостину, и вскоре мне поменяли номер.

* * *

Или вот еще история. Отчима, в Алабушево, разбил инсульт. Старостин так спокойно после моей просьбы говорит (а я-то взволнован, человеку плохо, что делать?):

– Евгений, будьте покойны. Намедни был в Моссовете и познакомился с первым секретарем райкома партии Зеленограда. Все решим.

Спустя какое-то время и этот вопрос решился, отчима положили в больницу. Старостин был хозяйственником, президентом практически частного клуба в социалистической стране. Все мог решить.

* * *

Его рассказы о футболе были удивительны. В том плане, что это почти художественное произведение.

Как-то в раздевалке, после одной из игр, стал учить нас:

– Ну что вы все время из центра в край бежите! Я помню, принимаю мяч, захожу в штрафную – и левой шведкой в дальний угол!

Мы усмехаемся, представляя картину – как это левой шведкой в дальний угол, да это все равно что локоть свой укусить!

* * *

Он любил рассказывать всякие истории из жизни «Спартака». Когда мы вылетели из высшей и играли в первой лиге, рассказал новой, по сути, команде, как в далеком 23-м году поехали играть в Турцию.

– А Клим Ворошилов был начальником нашей делегации в той поездке, – говорил Чапай. – И посол нам дает установку: нельзя обыгрывать турок, нельзя много забивать, а то не поймут. Выходим из кабинета, в коридоре нас ловит военный атташе посольства, заводит к себе и говорит: «Николай Петрович, вы посла не слушайте, турки уважают сильных, забивайте как можно больше». И мы забили, а как сыграли, уже не помню. Он постоянно нам это втолковывал – забивать надо как можно больше, добивать соперника, не давать шанса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.